

Владимир Короленко

Смиренные

Владимир Галактионович Короленко

Смиренные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2610685

Аннотация

«Лето стояло ведреное и знойное. Однажды, в самый полдень жаркого июльского дня, Иван Семенович сидел на скамейке у своей дачки, как вдруг над сосновым лесом в направлении деревни Колотилова показалась струя дыма. Она поднялась как-то внезапно. Иван Семенович не успел еще отдать себе ясного отчета в ее значении, как огромный столб уже вился, и клубился, казалось, совсем близко, вплоть за лесом, поднимаясь все выше и выше в раскаленной синеве неба и как будто заглядывая из-за леса в тихую улицу Раскатова...»

Содержание

I	4
II	7
III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Галактионович Короленко Смиренные (*Деревенский пейзаж*)

I

Верстах в тридцати от большого губернского города N есть станция Чернолесье, любимое дачное место губернских жителей, над Окой. Несколько поездов соединяют его с городом, что позволяет даже сильно занятым людям приезжать сюда по окончании занятий, чтобы провести вечер с семьей, погулять при луне, полюбоваться горами отдаленного берега и причудливыми излучинами реки, а наутро, к началу службы, поспевать опять в N-ск. К приходу каждого поезда на дебаркадер скромного вокзала собирается самая изящная публика, пестрят дамские костюмы, вызывают восторг и зависть шляпки последнего фасона, у стволов ближней рощи дожидается всегда несколько прислоненных к деревьям велосипедов, и почта каждый день выбрасывает здесь целые кипы газет.

Одним словом, место совсем культурное, напоминающее

дачные места где-нибудь под Петербургом или Москвой.

Но если вы захотите нанять, копеек за сорок, одну из тара-таек, тесно запружающих небольшой дворик вокзала, то она доставит вас, так сказать, «в глубь страны». Это будет прежде всего Раскатово, приютившееся в том месте, где река, стесненная горами, делает крутой поворот. Раскатово уже значительно отзывается деревней. Из дачников здесь устраивается публика попроще, желающая хоть на лето избавиться от конкуренции костюмов и шляпок и поэтому установившая свои собственные летние законы: барышни гуляют здесь без зонтиков, в белых платочках на голове и часто босые и купаются прямо с берега, вступая иногда в препирательства с деревенскими мальчишками, не признающими демаркационной полосы. Раскатовцы в большинстве «волгарят», то есть ходят летом в лоцманах, водоливах, помощниках капитанов или даже капитанами на буксирных пароходах... Когда, в праздник, здесь заведут песни и хороводы, то вы можете порой увидеть местного кавалера, в пиджаке и шляпе котелком, в глянцевитых новеньких калошах, надетых на сапоги бураками, – а вокруг него девицы в шелковых кофтах и с зонтиками чинно ходят с песней и величанием.

Одним словом, и здесь еще не мало культуры, хотя некоторая часть раскатовцев сеют и пашут, снимая для этого землю «волгарей». Но если, пройдя по широкой улице Раскатова, вы выйдете за околицу в противоположной стороне, то увидите поля с колыхающейся рожью, перелески и ку-

сты, потом сосновый лесок по песчаным буграм, а за ним – сплошные нивы, покорно сгибающиеся под ветром. Среди этих нив, над широким прудом, засела деревенька Колотилово, с коренным пахарем, «крестьянином», как его зовут раскатовцы, нанимающие его на свои покосы. Себя, в отличие от пахарей, они называют «хозяевами» и «жителями».

II

В Раскатове проводил лето Иван Семенович Бухвостов, сотрудник одной местной и корреспондент нескольких столичных газет. Он удалился сюда еще в первый раз, по требованию докторов, так как начинало пошаливать сердце. Человек он был городской по всем привычкам и вкусам, и деревня, даже такая, дачная, была для него новостью. Пока эта вся новизна была ему интересна, но особенно интересовали его «дали», с которыми он не успел ознакомиться: убогие избы Колотилова за околицей и перелесками... а за рекой, на высоком берегу, среди беспорядочной зелени заманчиво выглядывавшие постройки почти запустелого монастыря. По праздникам оттуда доносился, впрочем, надтреснутый звон, а на перевозе можно было видеть простодушных и не всегда трезвых монахов. И Бухвостову казалось, что все это, – и околица, и перелески, и белые пятна монастырских зданий, и перевоз, нагруженный телегами и мужиками, и монахи в потертых рясах, от которых одновременно несло ладаном и сивухой, – все проникнуто каким-то одним общим выражением... И это выражение было ново, загадочно и интересно. Хотелось разгадать его, как иногда хочется понять физиономию встреченного на большой дороге оригинального человека.

Лето стояло ведреное и знойное. Однажды, в самый пол-

день жаркого июльского дня, Иван Семенович сидел на скамейке у своей дачки, как вдруг над сосновым лесом в направлении деревни Колотилова показалась струя дыма. Она поднялась как-то внезапно. Иван Семенович не успел еще отдать себе ясного отчета в ее значении, как огромный столб уже вился, и клубился, казалось, совсем близко, вплоть за лесом, поднимаясь все выше и выше в раскаленной синеве неба и как будто заглядывая из-за леса в тихую улицу Раскатова.

Мирная деревенька закопошилась: вытащили из-под навеса пожарную «машину», мальчишки понеслись на выгон за пожарными лошадьми, какой-то бутуз бежал и падал, путаясь в хомуте и вожжах... Предполагалось, что пожар в Колотилове, а по некоторой междудеревенской конвенции у Раскатова с Колотилковым существовала, так сказать, пожарная взаимность. Минут через двадцать пожарная тройка уже лихо катила по дороге, обгоняя торопившихся баб. День был праздничный, нерабочий, бабы и девки разбрелись по осиннику за ягодами и грибами, и теперь зловещий столб выгонял их всех на дорогу. Они бежали, спотыкались, причитали и крестились, не зная еще, точно ли над ними разразилась беда, или господь «посетил» кого-нибудь из соседей.

Бухвостов тоже, разумеется, встрепнулся: нужно было посмотреть деревенский пожар и, может быть, сообщить о нем в газету; да и вообще людям с пошаливающими сердцами не сидится, когда невдалеке происшествие. Он попытал-

ся было пристроиться к «машине», но она ускакала раньше, чем он добежал до нее. К счастью, в это самое время с вокзала вернулся Гаврил Пименович, хозяин его дачи, не успевший распречь лошадь, когда произошла тревога, – и через несколько минут оба трусили по дороге вслед за машиной.

Однако по мере того, как тележка подвигалась к Колотилову, столб точно удалялся. Когда же они въехали в околицу, которую открыла для них целая стая деревенских ребят, то уже не было сомнения, что в Колотилове все благополучно. В деревне было тихо и пусто, а темный столб все так же медленно, молчаливо и зловеще клубился впереди, над зубчатую линией, как будто приникшего к земле и побледневшего бора... Колокольцы раскатовской машины тренькали уже под самым лесом, но как-то нерешительно и вяло. Очевидно, машина была уже у пределов пожарной взаимности и помышляла о возвращении...

Улицы Колотилова будто вымело. Только из ближайшей избы, высунувшись в окно, глядела по направлению к пожару молодая баба, прикрыв глаза ладонью от солнца. Когда тележка поровнялась с нею, замедляя ход тяжеловатой лошади, Ивана Семеновича поразили странные звуки, несшиеся в открытое окно: какое-то ворчание, дикий рев, звериный вой, обрывки песни, грязные ругательства, и все это в сопровождении металлического лязгания, как будто от цепи... Казалось, за этой бревенчатой стеной кто-то доходил до последней степени исступления, неистовствовал и рвался, лязгая

железом... А между тем баба совершенно спокойно глядела на далекий пожар, как будто у нее за спиной не происходило ничего, заслуживающего внимания.

– Что это такое? – спросил Бухвостов у Гаврил Пименовича, еще не отдавая себе, ясного отчета, почему эта волна непонятных звуков прошла по нем такой острой дрожью... Мужик боязливо оглянулся и хлестнул лошаденку, торопясь поскорее проехать мимо.

– Гараська это... Не дай бог, сорвется еще. Видно, пожар зачуял... Помилуй, господи, как ежели сорвется.

– Кто сорвется, откуда?

– Да Гараська. Кому более! На чепи ведь он у них, Герасим-те.

Отъехав несколько сажений, он, видимо, успокоился и, вытянув лошаденку кнутом по заду, пояснил:

– На чепи, как же! Потому что, видите ли, он, Герасим то есть, не в себе, не в формальным, значит, рассудке.

И опять отъехав несколько сажений, он прибавил уже совсем спокойно, как о теме, исчерпанной до конца:

– Лет, никак, уже десять...

III

Темная полоса дыма, тихо клубившаяся за лесом, вдруг потеряла для Бухвостова прежний интерес и перестала казаться такой зловещей и значительной. Что значит пожар какой-нибудь избы, да еще среди белого дня и летом, когда вот тут, в нескольких саженьях, в такой же деревенской избе много лет мечется на цепи живой человек, – и никому это не кажется странным... И никто не спешит на помощь, и баба, прикрывая рукой глаза от солнца, с ленивым любопытством следит за дальним пожаром и за фигурой случайного проезжего, даже не оборачиваясь на беснование прикованного человека. Сердце у него забилося тем особенным тревожным боем, который звал на немедленное вмешательство: выскочить из телеги, кого-то позвать, на кого-то накинуться, кого-то непременно обвинить и сразу, сию минуту, немедленно прекратить этот ужас...

Он протянул руку и тронул Гаврил Пименовича за плечо. Лошаденка перестала месить пыль, а старик повернул к нему свои густые нависшие брови, из-под которых вопросительно и недовольно глянули маленькие колющие глаза...

– Что такое? – спросил он.

Спокойная улица Колотилова, казалось, тоже спрашивала у Бухвостова: «Что такое?» и уже одним своим буднично-равнодушным видом производила на газетчика отрезвля-

ющее впечатление... Кого он позовет и на кого накинется со своей новостью? Перед ним, в непосредственной близости, была спина раскаторвца, запыленная, с пропотевшими пятнами на лопатках... Далее мотался в пыли круп лошади, по сторонам в два порядка стояли новые бревенчатые избы (Колотилово недавно горело); между ними – бледные кудрявые ветлы и солидные темные осокори. Сзади в окне женщина провожала его равнодушным взглядом, и в промежутке между домами и ивами, с холмика, на котором лежало Колотилово, виднелись ржаные поля, покорно склонявшиеся под ветром...

Сердце у Бухвостова продолжало тревожно биться и звало на что-то, но обычные рефлексy во все вмешивающегося человека были как будто парализованы... Бухвостов с недоумением оглянулся, точно растерявшись и утратив какую-то руководящую нить к собственным ощущениям... И ему показалось, что на него глядит то самое, загадочное и затаенное, что он старался уловить в выражении всего этого пейзажа... Глядит, и под этим взглядом точно цепенеют его привычные чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.